

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Д.В. Ефременко*

ШАНХАЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА ПОСЛЕ РАСШИРЕНИЯ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук»
117218, Москва, ул. Кржижановского, 15, корп. 2*

В статье рассматриваются новые задачи, стоящие перед Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС) после присоединения к ней Индии и Пакистана в качестве полноправных членов. Расширение ШОС за счет этих двух государств означает существенное увеличение ее экономического и политического веса, но одновременно привносит в повестку ее работы межгосударственные противоречия, которые прежде имели для организации периферийное значение.

Особое внимание в статье уделяется расстановке сил внутри ШОС. Автор констатирует, что решающую роль для дальнейшего развития организации будет играть кооперация в рамках треугольника «Россия–Индия–Китай» (РИК). В этом контексте очерчиваются два сценария. Первый предполагает, что российско-китайские и российско-индийские отношения будут развиваться в целом позитивно, однако отношения между Китаем и Индией останутся проблемными. Отмечается, что участие Индии в ШОС, скорее всего, станет еще одним фактором, препятствующим эволюции организации в антизападный геополитический альянс. При благоприятных условиях все три державы смогут формулировать общую позицию по наиболее значимым международным вопросам или своевременно реагировать на кризисные явления в сферах экономики и безопасности. Второй сценарий предполагает поступательное углубление и расширение сотрудничества в формате РИК, базирующееся на общем видении геополитических трансформаций в Большой Евразии. В этом случае можно прогнозировать, что со временем ШОС станет базисом формирования Большого Евразийского партнерства.

* *Ефременко Дмитрий Валерьевич* — доктор политических наук, заместитель директора Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (e-mail: efdv2015@mail.ru).

Отдельный сюжетный блок в статье посвящен проблеме безопасности, которая традиционно является одним из приоритетных направлений деятельности ШОС вообще и в регионе Центральной Азии — в частности и которая в условиях расширения организации и возрастания ее геополитической роли приобрела новые измерения. Наибольшее значение в 2018–2019 гг. имели усилия стран ШОС (по отдельности и в рамках организации) по достижению внутриафганского урегулирования в условиях вывода контингентов США и НАТО из Афганистана, равно как и недопущение прорыва экстремистских и террористических групп из северного Афганистана на территорию стран Центральной Азии. Автор приходит к выводу, что в ближайшие годы именно ШОС будет играть ключевую роль в структурировании Большой Евразии и укреплении полицентричного мирового порядка.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества, безопасность Центральной Азии, афганское урегулирование, треугольник «Россия–Индия–Китай», геополитические трансформации в Евразии.

В 2018 г. начался новый этап в истории Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), связанный с расширением состава ее полноправных членов за счет Индии и Пакистана. Уже одно это событие является достаточным для того, чтобы рассмотреть новую расстановку сил внутри ШОС, изменение характера ее задач и эффективности функционирования. Но еще более значимым стимулом для анализа проблематики ШОС становятся принципиальные изменения мирового порядка, создающие условия для частичного переопределения миссии этой организации.

Шанхайская организация сотрудничества практически с первого дня своего существования привлекает внимание политических обозревателей и аналитиков, исследователей международных отношений, специалистов по проблемам безопасности. При этом сохраняются существенные различия в подходах к проблематике ШОС у западных, российских и китайских исследователей. В значительной степени это является отражением различных трактовок характера и перспектив российско-китайских отношений, поскольку для ШОС именно они играют ключевую роль.

В западной научной литературе длительное время преобладал скепсис в оценке стабильности и долгосрочного характера российско-китайского сотрудничества. В русле этого подхода ШОС виделась в качестве неустойчивого и функционально огра-

ниченного альянса, появившегося в исторически преходящей ситуации относительной близости интересов Москвы и Пекина. Альтернативная позиция части западного экспертного сообщества сводится к алармизму, связанному не столько с успехами организации, сколько с эрозией глобального доминирования Запада, которую ШОС может лишь несколько ускорить [Bailes, Dunay, 2007]. При этом любые значимые инициативы России и Китая (включая шаги по развитию сотрудничества в рамках ШОС) зачастую интерпретируются как производное от отношений каждой из этих стран с Западом. Явно или неявно, но мировая политика рассматривается этими экспертами в качестве игры с нулевой суммой, где выигрыш одной из сторон равнозначен проигрышу другой стороны. Некоторые западные исследователи в последние годы высказывали предположения, что новым фактором, существенно отягощающим российско-китайское партнерство в рамках ШОС, станет «украинский кризис». По крайней мере, осторожная позиция Пекина по этому вопросу иногда интерпретировалась как явный признак приближающейся российско-китайской дивергенции [Lanteigne, 2018]. Однако фактическая динамика российско-китайского партнерства как в формате ШОС, так и за ее рамками не подтверждает такого рода прогнозы.

Постепенно в западном экспертном сообществе усиливает позиции более сбалансированный подход в отношении ШОС. Не затушевывая таких проблем организации, как институциональная слабость, различия целевых установок стран-участниц, недемократический характер их политических режимов и т.д., представители данного направления отмечают стратегический характер российско-китайского партнерства и его трансформирующую роль для всей системы международных отношений. В ШОС они видят не просто инструмент продвижения политики Москвы и/или Пекина, но механизм сопряжения интересов всех участников организации. Иными словами, эксперты признают, что логика игры с нулевой суммой в ШОС вовсе не доминирует, и соответственно конфронтация с Западом не является для стран-участниц смыслообразующей [Antonenko, 2007; Aris, 2011].

Аналогичный подход характерен и для российского экспертного мейнстрима. Вместе с тем в России присутствуют разные точки зрения, частично воспроизводящие диапазон западных оценок задач, эффективности и перспектив развития ШОС. Некоторые авторы акцентируют роль организации в сдерживании проникновения США и НАТО в Центрально-Азиатский регион,

рассматривая ШОС в качестве еще одного контура безопасности, дополняющего Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ); другие исследователи обращают внимание на большой потенциал энергетических и инфраструктурных проектов, раскрытию которого способствует ШОС [Колдунова, 2013].

Многие китайские эксперты, обращаясь к проблематике ШОС, делают акцент на том, что активное участие КНР в создании этой организации имело характер инновации для внешней политики Пекина, позволившей получить новый инструмент реализации китайских интересов в регионе Центральной Азии [Guan, Jian, 2006; Song, 2014]. По сути, это первая региональная организация, в которой оказались объединены столь крупные державы, как Китай и Россия. Сложность взаимодействия между членами ШОС обусловлена очевидной асимметрией ресурсного потенциала Китая, России и центральноазиатских участников. Тем не менее перевод сотрудничества в прагматичное русло и решение на этой основе ряда важных задач (урегулирование пограничных проблем, налаживание связей в сфере безопасности и др.) рассматриваются как несомненное достижение китайской внешней политики [Huasheng, 2013]. После 2013 г., когда председатель КНР Си Цзиньпин провозгласил инициативу «Один пояс, один путь» (ОПОП), проблематика ШОС обычно рассматривается китайскими исследователями в контексте более широких трансформаций, связанных с реализацией этой инициативы. Они обращают внимание на ценность накопленного в рамках организации опыта многостороннего сотрудничества и большое значение сохранения стабильности Центрально-Азиатского региона, рассматривая при этом функционирование ШОС до 2013 г. в качестве важного фактора, благоприятствовавшего выдвижению инициативы ОПОП и повышению доверия стран Центральной Азии к мотивам китайской экономической экспансии [Rab, Zhilong, 2019]. В современных условиях ШОС расценивается как платформа для повышения качества планирования и продвижения инициативы ОПОП. Вместе с тем китайские исследователи, акцентируя возможности синергии ШОС и ОПОП, отмечают востребованность функционала организации, связанного с обеспечением безопасности и борьбой с «силами трех зол»: сепаратизмом, терроризмом и религиозным экстремизмом.

В целом можно констатировать, что проблематика ШОС заняла прочное место в отечественных и зарубежных исследованиях регионализма, евразийской безопасности и геополитики. Сегодня внимание исследователей привлекают и новые тенден-

ции, связанные с расширением ШОС за счет Индии и Пакистана. Этим изменениям посвящена и настоящая статья. В ней предполагается проанализировать динамику развития ШОС в расширенном составе, выявить элементы преемственности и новизны по отношению к предыдущим этапам функционирования организации. Речь, по сути, идет о том, сможет ли ШОС стать значимой составляющей геополитических изменений на Евразийском континенте, сохранив при этом свою стабилизирующую роль для региона Центральной Азии. Особое внимание будет уделено интересам и долгосрочным целеполаганиям основных участников обновленной ШОС, возможностям обеспечения конструктивного диалога внутри организации, а также перспективам взаимодействия с внешними акторами.

Предпосылки трансформации миссии ШОС

Изначально в географическом отношении деятельность ШОС была сфокусирована на Центральной Азии — стратегически значимом регионе, где была опасность возникновения серьезной конкуренции между Россией и Китаем. И уже на раннем этапе своего существования ШОС успешно справилась с задачей формирования институциональной основы для урегулирования пограничных проблем между КНР и государствами, возникшими в результате распада Советского Союза. Для Китая включение в состав новой организации части государств Центральной Азии имело дополнительное значение, связанное с опасениями Пекина за стабильность в Синьцзян-Уйгурском автономном районе [Sutter, 2010].

Совместная работа в ШОС Китая и России внесла большой вклад в предотвращение конфликта интересов двух великих держав в Центрально-Азиатском регионе; в дальнейшем возникли основания говорить о «разделении труда» и о взаимодополняющих функциях: Россия вносит основной вклад в поддержание безопасности региона, тогда как Китай лидирует в сферах торговли, инвестиций и инфраструктурного строительства [Contessi, 2010]. Несомненно, достижение взаимопонимания между двумя странами по центральноазиатской проблематике и общая атмосфера конструктивного сотрудничества («шанхайский дух») способствовали укреплению российско-китайского стратегического партнерства.

Дружественные отношения с Россией обеспечивают Китаю в плане безопасности гигантскую стратегическую глубину на Севере и Северо-Западе, исключая на этих направлениях любую

возможность деструктивного воздействия США. Благодаря совместным усилиям Китая и России в рамках ШОС американское и иное внешнее влияние в странах Центральной Азии редуцировано до приемлемого уровня, что, впрочем, в самих Соединенных Штатах многие эксперты и представители военно-политического истеблишмента рассматривают как геостратегический вызов [McClellan, 2013; Bader, 2016].

Сделав основной упор в своей работе на проблемы безопасности в Центральной Азии, ШОС после 2005 г. уделяла значительное внимание новым угрозам, связанным с «цветными революциями». Технология поддержки извне массовых протестов, направленных на свержение правящих режимов, была неоднократно использована США и другими странами Запада на постсоветском пространстве, однако в регионе Центральной Азии это не принесло им геополитических дивидендов. Даже Киргизия, пережившая такого рода политические потрясения в 2005 и 2010 гг., в конечном счете пошла на еще более тесное сближение с Россией и Китаем. В Узбекистане массовые беспорядки в Андижане в мае 2005 г. были решительно подавлены, вслед за чем президент этой страны Ислам Каримов, заручившись твердой поддержкой Москвы и Пекина, принял решение о прекращении американского присутствия на авиабазе Карши-Ханабад. Принципиальное значение имело принятие 5 июля 2005 г. на саммите ШОС в Астане декларации с призывом к Вашингтону определить сроки вывода своих баз из региона Центральной Азии¹; тогда же был отклонен запрос США на получение статуса наблюдателя в ШОС и в то же время такой статус был предоставлен Ирану [Wishnick, 2009]. В 2014 г. американские военные прекратили использование киргизского аэропорта Манас в качестве транзитного пункта (до 2009 г. — авиабазы возглавляемой США антитеррористической коалиции).

Не ставя перед собой задачи сформировать военно-политический альянс, страны ШОС сумели добиться существенного прогресса в обеспечении безопасности Центральной Азии и ограничении дестабилизирующего внешнего воздействия. Тем самым формировались благоприятные предпосылки для развития экономического сотрудничества в регионе, хотя сама ШОС до сих пор не стала тем форматом, в рамках которого можно

¹ Декларация глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества (Астана, 05.07.2005) // Гарант. Доступ: <http://base.garant.ru/12140898/> (дата обращения: 15.06.2019).

достичь существенного упрощения условий взаимной торговли и стимулировать инвестиционную активность. Это привело к тому, что на протяжении 2010-х годов все чаще раздавались голоса о политической аморфности ШОС, одностороннем характере ее деятельности и даже о возможном исчерпании миссии организации².

В течение 2010-х годов действительно происходили важные изменения как на постсоветском пространстве, так и на всем Евразийском континенте. Возникавшие структуры и инициативы «встраивали» страны ШОС в новую сеть экономического сотрудничества и взаимозависимости [Malle, 2017]. В числе важнейших событий этого периода необходимо назвать преобразование Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана в Евразийский экономический союз — ЕАЭС (с последующим присоединением к нему Армении и Киргизии), провозглашение председателем КНР Си Цзиньпином инициативы ОПОП и решение лидеров Китая и России о сопряжении этой инициативы и интеграционных процессов в рамках ЕАЭС. На концептуальном уровне эти фундаментальные изменения были интерпретированы российскими экспертами как важнейшая геополитическая трансформация — начало формирования макрорегиона «Большая Евразия»³ [Бордачев, 2015; Ефременко, 2016; Kuznetsova, 2017]. В июне 2016 г. президент России Владимир Путин на Петербургском экономическом форуме заявил о перспективе создания Евразийского партнерства, которое может стать внешним интеграционным контуром по отношению к ЕАЭС. Согласно В. Путину помимо ЕАЭС участниками Большого евразийского партнерства могут быть страны СНГ, Китай, Индия, Пакистан, Иран и другие заинтересованные государства⁴.

Нетрудно заметить, что географический ареал Большого евразийского партнерства практически совпадает с территорией государств, являющихся полноправными членами ШОС или имеющих в этой организации статус наблюдателя. В связи с этим

²См.: Габуев А. Уфы, друзья: почему ШОС и БРИКС значат для России больше, чем для других участников // Совет по внешней и оборонной политике. 09.07.2015. Доступ: <http://svop.ru/main/15967/> (дата обращения: 24.06.2019); Малашенко А. ШОС — политически очень аморфная организация // Коммерсант. 23.06.2016. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/3019732> (дата обращения: 24.06.2019).

³Караганов С.А. С Востока на Запад, или Большая Евразия // Россия в глобальной политике. 25.10.2016. Доступ: <http://www.globalaffairs.ru/pubcol/S-Vostoka-na-Zapad-ili-Bolshaya-Evraziya-18438> (дата обращения: 14.06.2019).

⁴Путин призвал создать Большое евразийское партнерство // ТАСС. 17.06.2016. Доступ: <https://tass.ru/ekonomika/3376295> (дата обращения: 14.06.2019).

ШОС может рассматриваться в качестве наиболее серьезного претендента на роль международной организации, способной упорядочить становление Большой Евразии.

Для решения этой задачи, с одной стороны, необходима высокая степень пластичности, позволяющая повысить роль ШОС как платформы для диалога и регулярного взаимодействия все большего числа стран. При этом надо избежать соблазна преждевременной разработки претендующих на универсальность документов наподобие Хельсинкского заключительного акта 1975 г. С другой стороны, ШОС не должна превращаться лишь в площадку для риторических упражнений на тему трансконтинентального сотрудничества. По возможности сохраняя все прежние достижения, организация могла бы выступить в роли инкубатора множества соглашений и инициатив в сферах безопасности, торговли, решения экологических проблем, культурного и научно-технического взаимодействия. По мере развития этого процесса начнет образовываться сеть формализованных взаимосвязей, партнерств и институтов на региональном, межрегиональном и трансрегиональном уровнях, в конечном счете — в масштабах Большой Евразии. Во всяком случае, такое развитие событий представлялось оптимальным накануне присоединения к ШОС Индии и Пакистана в качестве полноправных членов организации [Ефременко, 2016].

Наконец, с точки зрения понимания роли ШОС на современном этапе и перспектив ее трансформации большое значение имеют процессы, связанные с международным положением России и обстановкой внутри страны. Внешняя и оборонная политика Кремля отражает понимание российским руководством невозможности преодолеть конфронтацию с Соединенными Штатами в обозримом будущем, не поступаясь при этом жизненно важными национальными интересами. 1 марта 2018 г. в Послании Федеральному Собранию Владимир Путин объявил о разработке и постановке на вооружение новых видов стратегического оружия, которые не используют баллистические траектории полета при движении к цели, тем самым сводя практически к нулю эффективность системы противоракетной обороны потенциального противника. Общая оснащенность Вооруженных Сил России современным оружием за последние годы возросла в 3,7 раза; на вооружение принято более 300 новых образцов военной техники; количество носителей высокоточного оружия большой дальности увеличилось более чем в 12 раз,

а высокоточных крылатых ракет — более чем в 30 раз⁵. Достигнут существенный прогресс в модернизации систем противовоздушной обороны, подводных лодок и средств радиоэлектронной борьбы, оснащении Военно-космических сил.

Сирийская операция продемонстрировала высокую эффективность действий российских военных в условиях региональных конфликтов. Предотвратив устранение режима Башара Асада и внося важнейший вклад в восстановление контроля Дамаска над большей частью территории Сирии, Москва показала решимость и способность защищать своих союзников не только на постсоветском пространстве. Более того, реализуя гибкую дипломатическую стратегию и взаимодействуя почти со всеми внутренними и внешними акторами сирийского кризиса, Россия обозначила пределы американского военно-дипломатического влияния на всем Ближнем и Среднем Востоке.

В отличие от эпохи «холодной войны», современное противостояние России и США не носит идеологического характера, по крайней мере с российской стороны. Эта конфронтация, в сущности, не является глобальной, поскольку охватывает постсоветское пространство и некоторые из прилегающих к нему регионов Евразии. С точки зрения России, готовность США и других стран Запада признавать и уважать ее жизненно важные интересы в этой части мира может стать основой возобновления конструктивного диалога, а в дальнейшем — и сотрудничества между Москвой и Вашингтоном. Однако политические элиты США и ряда стран Европейского союза не только отвергают саму возможность достижения компромисса с Россией на основе баланса интересов, но и пытаются переопределить природу конфронтации, представляя ее как конфликт ценностей и подводя под нее фиктивный идеологический фундамент («борьба либеральной демократии с авторитарными режимами»).

В настоящее время появляются основания говорить о качественном изменении динамики мировой политики, поскольку США при Дональде Трампе провозгласили Китай и Россию основными силами, бросающими вызов американскому могуществу, влиянию и интересам⁶. При этом в тексте Стратегии

⁵ Послание Президента Федеральному Собранию // Официальный сайт Президента России. 01.03.2018. Доступ: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 14.06.2019).

⁶ National Security Strategy of the United States of America. December 2017 // The White House. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 14.06.2019).

национальной безопасности США, подписанном Д. Трампом в декабре 2017 г., именно Китай рассматривается как держава, способная уверенно противостоять Соединенным Штатам по максимальному набору параметров. Балансируя на грани развязывания беспрецедентной по масштабам торговой войны и решившись на юридическое преследование ключевых фигур китайского бизнес-сообщества, Вашингтон подтвердил, что рассматривает Пекин в качестве принципиального оппонента. Достижение компромиссных соглашений между США и КНР по вопросам торговли и инвестиций вполне возможно, но, по всей видимости, оно не будет означать изменение основного вектора китайско-американских отношений.

Рассматривая Китай и Россию как угрозу и в свою очередь угрожая важнейшим интересам этих стран, США способствуют дальнейшему укреплению российско-китайского стратегического партнерства. По своим масштабам и задачам оно все в большей степени может приближаться к неформальному союзу, условия и устойчивость которого не регламентируются рамочным межгосударственным соглашением.

С точки зрения перспектив развития ШОС, несомненно, эти тенденции будут иметь самые серьезные последствия. Появляются основания говорить о «пекинско-московском консенсусе»⁷ — своеобразной системе совместного влияния, направленной на обеспечение стабильности макрорегиона Центральной Евразии и предполагающей защиту интересов России и Китая при функциональном распределении ролей между ними. Безусловно, при этом будет происходить сокращение экономического, военного и политико-идеологического влияния США на этот макрорегион. В то же время общее ослабление американской гегемонии в глобальном контексте не исключает продолжения и даже наращивания экономического взаимодействия Центральной Евразии с Европой, другими регионами и странами, где доминирует западная политико-институциональная модель.

Строго говоря, ШОС на протяжении большей части своего существования способствовала движению в этом направлении, и многие западные исследователи акцентировали именно этот аспект деятельности организации [Allison, 2004; Арис, 2008]. Китай и Россия имели достаточно рычагов, чтобы альянс и в

⁷ Cau E. The geopolitics of Beijing-Moscow consensus // The Diplomat. 14.01.2018. Available at: <https://thediplomat.com/2018/01/the-geopolitics-of-the-beijing-moscow-consensus> (accessed: 10.06.2019).

дальнейшем выступал в качестве важного инструмента «пекинско-московского консенсуса». Однако предпочтение было отдано тому, чтобы сделать ШОС более многосторонней организацией, способной учитывать широкий спектр интересов и проецировать стабилизирующее влияние далеко за пределы Центральной Азии. Таким образом, развитие событий подтвердило оценки тех исследователей, которые подчеркивали, что для России и Китая первостепенное значение имеет не трансформация ШОС по лекалам западных теорий интеграции, а максимальное использование потенциала этой организации в структурировании регионального пространства [Колдунова, 2013].

Данный выбор, согласованный между Москвой и Пекином, представляется весьма дальновидным: российско-китайское стратегическое партнерство по-прежнему остается центром гравитации в Центральной Азии, но ШОС способствует привлечению других стран и регионов к более масштабному формату геополитических трансформаций, в котором наряду с Китаем и Россией очень важную роль предстоит сыграть Индии. При этом Москва и Пекин фактически согласились с тем, что ШОС не будет выступать в качестве непосредственного оппонента руководимых США альянсов.

Такое изменение функциональных задач и географического ареала является для ШОС серьезным вызовом, требующим значительных организационных усилий и дипломатического мастерства, поэтому можно считать большой удачей, что в первый год после расширения организации председательство в ней осуществлял Китай.

Саммиты в Циндао и Бишкеке: новый виток развития ШОС

Кульминационным пунктом китайского председательства в ШОС стала встреча в верхах глав государств и правительств, проходившая 9–10 июня 2018 г. в Циндао. Успех этого мероприятия еще раз подтвердил, насколько большое значение имеет опыт китайской дипломатии в проведении многосторонних встреч такого уровня.

Очень важными для благоприятного исхода встречи руководителей ШОС были предварительные переговоры в неформальной обстановке между председателем КНР Си Цзиньпином и премьер-министром Индии Нарендрой Модии в Ухане. В ходе этих переговоров в основном удалось преодолеть напряжен-

ность, связанную с инцидентами на плато Доклам⁸ летом 2017 г., а также с политическим кризисом на Мальдивских островах⁹, и переключиться на развитие конструктивной политической и экономической повестки в двусторонних отношениях, в форматах ШОС и БРИКС. Если учесть, что после переговоров в Ухане Н. Моди также провел встречу с В. Путиным в Сочи, то становится понятно: трехстороннее взаимодействие в формате Россия–Индия–Китай (РИК) следует рассматривать в качестве основы дальнейшего развития ШОС.

Символическим совпадением стало одновременное проведение в Квебеке саммита G7. Но если «семерка» традиционно характеризуется как одна из институций глобального управления, то после саммита в Циндао некоторые обозреватели впервые начали рассматривать в этом качестве и ШОС¹⁰. После расширения организация оказалась вполне сопоставимой с «Группой семи» по военно-стратегическому потенциалу, ресурсным возможностям, а с точки зрения совокупного объема ВВП (по паритету покупательной способности) ШОС даже превзошла страны G7.

⁸ Плато Доклам (Дунла), расположенное на стыке границ Китая, Индии и Бутана, является объектом территориального спора между КНР и Бутаном. В июне 2017 г. китайская сторона начала работы по прокладке автомагистрали на этом плато. Индия, поддерживающая суверенитет Бутана, отреагировала вводом на данную территорию воинского контингента, воспрепятствовавшего проведению строительных работ. Пекин в свою очередь также усилил там свое военное присутствие, причем индийские и китайские воинские подразделения располагались в опасной близости друг от друга. В августе 2017 г. напряженность удалось снизить благодаря восстановлению статус-кво. Вместе с тем Китай продолжает развитие дорожной инфраструктуры на своей территории, непосредственно примыкающей к плато Доклам.

⁹ Выборам президента Мальдивской Республики, состоявшимся в сентябре 2018 г., предшествовал острый политический кризис, вызванный решением Верховного суда страны, отменившего приговор экс-президенту М. Нашиду. Занимавший пост президента А. Ямин счел решение Верховного суда попыткой переворота и ввел в стране чрезвычайное положение сроком на 1 месяц. В ходе кризиса А. Ямин пользовался поддержкой Китая, тогда как представителей оппозиции поддерживала Индия. На президентских выборах победу одержал представитель оппозиционных сил И.М. Солих.

¹⁰ Putz C. A West in crisis, an East rising? Comparing the G7 and the SCO // The Diplomat. 12.06.2018. Available at: <https://thediplomat.com/2018/06/a-west-in-crisis-an-east-rising-comparing-the-g7-and-the-sco/> (accessed: 10.06.2019); Косырев Д. ШОС в Циндао: Слишком много или слишком мало геополитики? // Радио «Спутник». 11.06.2018. Доступ: <https://sputnik.by/columnists/20180611/1035948830/itogi-sammita-shos-china.html> (дата обращения: 14.06.2019).

Как известно, саммит в Квебеке был омрачен серьезными разногласиями его участников по ряду вопросов, прежде всего в связи с резким усилением протекционизма в мировой торговле. В итоге делегация США отказалась подписывать заключительную декларацию, а президент Д. Трамп покинул саммит еще до его официального завершения. На этом фоне лидеры стран ШОС в Циндао убедительно продемонстрировали готовность к поступательному развитию сотрудничества, а в итоговой декларации сформулировали согласованные подходы по ряду ключевых проблем глобальной экономики и мировой политики. Следует отметить, что декларации саммитов ШОС характеризует очевидная преемственность по отношению как друг к другу, так и к Хартии ШОС, принятой в 2002 г.¹¹ Декларация саммита в Циндао не является исключением, но тем важнее ее содержательные новации, которые отличают ее от других, более ранних документов ШОС.

Уже в преамбуле Декларации содержится указание на то, что система международных отношений «в настоящее время переживает период крупных перемен и серьезной перенастройки, геополитический ландшафт становится разнообразным и многополярным, более тесными становятся связи между странами», но при этом «усиливаются факторы нестабильности и неопределенности», в числе которых важную роль играют односторонние протекционистские меры и другие вызовы в международной торговле, обострение конфликтов в ряде регионов, резкий рост угроз терроризма, незаконного оборота наркотиков и организованной преступности, эпидемий инфекционных заболеваний и климатических изменений¹². Признавая переходный и турбулентный характер современных международных отношений, страны ШОС демонстрируют готовность внести значительный, если не решающий вклад в объединение усилий мирового сообщества для противодействия этим глобальным вызовам. По крайней мере, на Евразийском континенте именно у стран — членов ШОС есть достаточный потенциал и возможности для решения этих задач. Принципиальное значение имеет поддержка всеми странами расширенной ШОС позитивной программы

¹¹ Хартия Шанхайской организации сотрудничества // Официальный сайт Президента России. 07.06.2002. Доступ: <http://kremlin.ru/supplement/3450> (дата обращения: 14.07.2019).

¹² Циндаоская декларация Совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества // Официальный сайт Президента России. 10.06.2018. Доступ: <http://kremlin.ru/supplement/5315> (дата обращения: 14.06.2019).

строительства международных отношений нового типа, воплощающих взаимное уважение, справедливость, равенство, взаимовыгодное сотрудничество, — программы, концептуальной основой которой являются идеи создания сообщества единой судьбы человечества¹³.

Несмотря на расширение географического охвата ШОС, в Циндаоской декларации значительное внимание по-прежнему уделено проблемам Центральной Азии. По-видимому, в этом проявилось стремление снять возможные опасения, что расширение ШОС приведет к ухудшению стратегической позиции этого региона и даже к его периферизации [Luzyanin et al., 2018]. В частности, в Декларации выражена поддержка усилиям «стран Центрально-Азиатского региона по активизации сотрудничества в политической, экономической, культурно-гуманитарной и других сферах»¹⁴, причем отдельная позитивная характеристика дана первой консультативной встрече глав государств Центральной Азии (г. Астана, 15 марта 2018 г.).

Следует отметить, что эти новые тенденции в регионе Центральной Азии были обусловлены в первую очередь политическими изменениями в Узбекистане. Шавкат Мирзиёев, избранный президентом этой страны после смерти Ислама Каримова, в короткий срок резко активизировал внешнюю политику. Благодаря его усилиям удалось добиться прорыва в урегулировании значительной части пограничных проблем с Киргизией, Туркменистаном, Казахстаном и Таджикистаном. Узбекско-таджикские отношения, прежде являвшиеся наиболее напряженными в группе стран Центральной Азии, вышли на траекторию нормализации. Существенный прогресс был достигнут даже по наиболее болезненной для Узбекистана и Таджикистана проблеме использования водных ресурсов и гидротехнического строительства. Произошла значительная активизация работы по развитию транспортных коридоров в Центральной Азии, осуществлению инфраструктурных и энергетических проектов. Ташкент выступил инициатором создания Консультативного

¹³ Совместное формирование новых партнерских отношений сотрудничества и взаимного выигрыша, создание сообщества единой судьбы — Выступление председателя КНР Си Цзиньпина в ходе дебатов на 70-й Генассамблее ООН // The China Internet Information Center. Доступ: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2015-11/02/content_36956721_2.htm (дата обращения: 14.06.2019).

¹⁴ Циндаоская декларация Совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества // Официальный сайт Президента России. 10.06.2018. Доступ: <http://kremlin.ru/supplement/5315> (дата обращения: 14.06.2019).

совета глав государств Центральной Азии; в 2018 г. узбекская дипломатия также внесла активный вклад в поиски путей урегулирования конфликта в Афганистане. Узбекистан, таким образом, сумел наглядно продемонстрировать, что является ключевой страной региона, способной существенно влиять на динамику не только двустороннего, но и многостороннего сотрудничества в Центральной Азии.

Циндаоская декларация позволила прояснить отношение России и Китая к новому формату взаимодействия центральноазиатских государств, в котором участвует и сохраняющий нейтральный статус Туркменистан. Важные новации в межгосударственных отношениях стран Центрально-Азиатского региона рассматриваются Пекином и Москвой как вполне совместимые с инициативой ОПОП, интеграционными процессами в рамках ЕАЭС и возможностями кооперации внутри ШОС. Эта же линия на поддержку новых форматов сотрудничества стран Центральной Азии была подтверждена и в ходе саммита руководителей ШОС в Бишкеке 13–14 июня 2019 г.

Вместе с тем декларации саммитов в Циндао и Бишкеке показали, что различия в подходах к важным вопросам многостороннего сотрудничества в Евразии полностью устранить не удастся. В Циндаоской декларации высказана поддержка сопряжения китайской инициативы ОПОП и интеграционных процессов в рамках ЕАЭС. Однако в перечне стран ШОС, поддержавших такой подход, отсутствует Индия¹⁵. Тем самым Нью-Дели продолжает демонстрировать сдержанное отношение к китайской инициативе. В то же время индийская сторона воздержалась от того, чтобы вовсе заблокировать какое-либо упоминание о сопряжении.

Создание Банка развития ШОС, точнее, размер доли каждой из стран в его уставном капитале достаточно долгое время остается предметом расхождений между Россией и КНР. На встрече в Циндао лидеры стран-участниц подтвердили свое стремление к поиску общей позиции по этой проблеме, острота которой, впрочем, заметно снизилась благодаря существенному расширению в последние годы банковской инфраструктуры ШОС и Большой Евразии, включающей Межбанковское объединение

¹⁵ Аналогичная формулировка была использована и в Декларации, принятой на Саммите лидеров стран ШОС в Бишкеке в 2019 г.: Бишкекская декларация Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества // Официальный сайт Президента России. 14.06.2019. Доступ: <http://kremlin.ru/supplement/5421> (дата обращения: 15.06.2019).

ШОС, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Новый банк развития БРИКС, Фонд Шелкового пути, Китайско-евразийский фонд экономического сотрудничества. При этом достаточно спорная тема возможной интеграции АБИИ и Азиатского банка развития в Циндаоской и Бишкекской декларациях не упоминалась.

Сменившая Китай в порядке ротации в качестве председателя ШОС Киргизия продемонстрировала преемственность в отношении позиций, сформулированных на этапе подготовки расширения и в ходе китайского председательства. Пройдя через первый кризис, связанный с обострением исторического соперничества двух новых полноправных членов ШОС (февраль 2019 г.), организация сохранила свою устойчивость. При этом основным источником угроз, связанных с безопасностью для Центрально-Азиатского региона и для ШОС в целом, оставался Афганистан.

Новая расстановка сил внутри ШОС

Как видно из предыдущих разделов настоящей статьи, расширение ШОС за счет Индии и Пакистана означает как существенный рост ее политико-экономического веса, так и неизбежную абсорбцию этой организацией тех межгосударственных противоречий, которые прежде имели для нее периферийное значение. Речь идет, во-первых, о глубоких разногласиях между Индией и Пакистаном, сопровождающих всю историю их существования в качестве независимых государств, во-вторых, о территориальных спорах между КНР и Индией, препятствующих достижению между ними глубоких доверительных отношений, и, в-третьих, о том, что решающим фактором дальнейшего развития ШОС становится взаимодействие в треугольнике РИК.

Индо-пакистанское соперничество потенциально является наиболее серьезной проблемой, способной привести к существенному ослаблению эффективности ШОС. Однако работа организации в расширенном составе в 2018 г. дает повод для осторожного оптимизма. Совершенно очевидно, что в 2018 г. и Пакистан, и Индия стремились к тому, чтобы их противоречия не сказались негативно на функционировании альянса. Возможно, руководство обеих стран хотело показать, что вступление в ШОС является для них серьезным внешнеполитическим достижением, тем более что индийская оппозиция (в частности, ряд видных деятелей Индийского национального конгресса) критиковали Н. Моди за «поспешное» присоединение Индии

к ШОС в качестве полноправного члена¹⁶. Но можно сказать и то, что новые участники организации прониклись «шанхайским духом» в достаточной степени, чтобы вместе работать по тем направлениям, где они могут извлечь взаимную выгоду. Разумеется, расчеты на то, что длящийся более 70 лет индо-пакистанский конфликт удастся урегулировать в формате ШОС, являются нереалистичными. В частности, Индия весьма негативно относится к каким-либо попыткам вывести этот вопрос за рамки двусторонних отношений. Однако одновременное участие в ШОС этих двух государств может расширить сферы и нарастить опыт их позитивного взаимодействия, создав со временем более благоприятную атмосферу для поиска путей урегулирования фундаментальных разногласий.

Россия весьма заинтересована в нормализации индо-пакистанских отношений, однако, не имея возможности оказать существенное влияние на этот процесс, фактически вынуждена балансировать между Нью-Дели и Исламабадом, рассматривая при этом Индию в качестве партнера первостепенного значения. Тем не менее в отношениях с этим партнером Москве подчас приходится искать нестандартные аргументы. Например, проведение Россией и Пакистаном в сентябре 2017 г. совместных антитеррористических учений «Дружба-2017» в районе подконтрольной Исламабаду территории Кашмира было понято Нью-Дели как четкий сигнал недовольства со стороны Москвы, связанного с готовностью индийских властей диверсифицировать источники поставок военной авиации. В результате Индия вновь нарастила закупки российской военной техники¹⁷.

Новая ситуация полноправного и одновременного участия Индии и Пакистана в ШОС позволяет России более решительно идти по пути укрепления сотрудничества с Пакистаном. Существенное сближение позиций по Афганистану и ухудшение отношений обеих стран с США создают возможности для вывода двустороннего взаимодействия на уровень продвинутого партнерства. Политические элиты России и Пакистана все более осознают, что стратегические интересы их стран продолжают сближаться, и не последнюю роль в этом играют их дружественные отношения с Китаем. Также весьма существенно,

¹⁶ «Индия идет по канату над пропастью, и периодически кажется, что падение неизбежно». Экс-замглавы МИД страны Шаши Тарур — о попытках балансировать между мировыми державами // Коммерсант. 22.01.2019. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/3859730> (дата обращения: 14.06.2019).

¹⁷ Там же.

что Пакистан поддерживает действия России в Сирии, хотя это и осложняет его отношения с таким важным партнером, как Саудовская Аравия¹⁸.

Россия заинтересована в расширении доступа на рынок Пакистана, даже несмотря на тяжелое положение, в котором сейчас находится экономика этой страны. В России растет интерес к использованию Китайско-пакистанского экономического коридора и порта Гвадар [Mirza, Lodhi, 2017; Garlick, 2018], хотя в силу географических и логистических факторов экономическая эффективность освоения значительным количеством российских грузоотправителей этого маршрута пока не до конца очевидна.

Таким образом, Россия будет стремиться использовать новые возможности сотрудничества в рамках ШОС как для содействия снижению степени напряженности в пакистано-индийских отношениях, так и для укрепления российско-пакистанского партнерства. Однако политика балансирования все же сохранится, хотя и будет применяться более выборочно и, вероятно, в более широком геостратегическом контексте. Так, можно предположить, что, расширяя военно-техническое сотрудничество с Исламабадом, Москва будет тем самым предостерегать Нью-Дели от чрезмерного сближения с США в формате Четырехстороннего диалога (Quad)¹⁹. В этом плане сотрудничество на базе ШОС представляется тем более перспективным, что увлечение индийской элиты концептом Индо-Тихоокеанского региона и особенно перспективами партнерства с США, Японией и Австралией обусловлено в решающей степени комплексом проблем китайско-индийских отношений.

Как известно, бывший премьер-министр России Евгений Примаков выступил с идеей трехстороннего диалога РИК еще

¹⁸Ramani S. Russia and Pakistan: A durable anti-American alliance in South Asia // The Diplomat. 21.04.2018. Available at: <https://thediplomat.com/2018/04/russia-and-pakistan-a-durable-anti-american-alliance-in-south-asia/> (accessed: 10.06.2019).

¹⁹Четырехсторонний диалог по проблемам безопасности (Quad), участниками которого являются Австралия, Индия, США и Япония, был инициирован в 2007 г. премьер-министром Японии С. Абэ. В ноябре 2017 г. руководители этих стран на встрече в Маниле приняли решение активизировать взаимодействие в четырехстороннем формате. Интенсификацию взаимодействия четырех стран по вопросам безопасности следует рассматривать в более широком контексте Индо-Тихоокеанской стратегии США, продвигаемой администрацией Д. Трампа. См. подробнее: Indo-Pacific strategy report. Preparedness, partnerships, and promoting a networked region // The Department of Defense. 01.06.2019. Washington, D.C., 2019. Available at: <https://www.defense.gov/Newsroom/Releases/Release/Article/1863396/dod-releases-indo-pacific-strategy-report/> (accessed: 14.06.2019).

в декабре 1998 г. Несмотря на первоначальный и едва ли не повсеместный скепсис, эта идея со временем стала все более обстоятельно обсуждаться экспертным сообществом, а уже в 2006 г. состоялась первая встреча лидеров РИК в Санкт-Петербурге, давшая «зеленый свет» формированию группы БРИК (в настоящее время — БРИКС). Трехстороннее взаимодействие России, Индии и Китая продолжает и сегодня выполнять функцию несущего каркаса БРИКС. Точно так же этот трехсторонний формат становится доминантой и в ШОС, хотя чисто гипотетически можно представить ситуацию, когда организация возвращается к прежнему составу участников и вновь фокусирует свое внимание на регионе Центральной Азии. РИК, разумеется, никогда не представлял собой антиамериканский альянс, тем не менее данный формат способствовал тому, что ведущие страны незападного мира все более уверенно заявляли о своих правах на достойное место в мировом порядке XXI века.

Можно говорить о двух сценариях взаимодействия России, Индии и Китая и их влияния на ШОС. Первый сценарий предполагает, что наиболее позитивными характеристиками в этом треугольнике будут отличаться российско-китайские и российско-индийские отношения, тогда как взаимодействие между Китаем и Индией будет более проблемным и иметь периоды как подъема, так и спада. В этом случае роль России будет состоять в том, чтобы способствовать достижению в рамках РИК работоспособных компромиссов по текущей повестке ШОС и БРИКС. При благоприятных обстоятельствах три страны смогут формулировать общую позицию по значимым международным проблемам или своевременно реагировать на те или иные кризисные процессы в сферах экономики или безопасности. Второй сценарий предполагает постепенное качественное углубление и расширение сотрудничества в формате РИК, основанное на общем видении геополитических трансформаций в Большой Евразии. В этом случае можно предположить, что именно ШОС с течением времени станет основой формирования Большого евразийского партнерства [Алимов, 2018].

В настоящее время более реалистичным выглядит первый вариант. Заявляя о многовекторности своей внешней политики, Индия стремится к укреплению своих позиций как крупной державы, дружественные отношения с которой хотят развивать все ведущие мировые игроки. Средствами достижения этих целей являются и диалог в формате РИК, и полноправное членство в ШОС, и участие в Quad вместе с США, Японией и Австрали-

ей. С точки зрения геополитики концепция Большой Евразии предлагает Индии роль одной из главных опор формирующегося макрорегиона. В свою очередь концепция Индо-Тихоокеанского региона «помещает Индию в центр региональной системы безопасности»²⁰, препятствуя установлению на этой территории чьего-либо единоличного преобладания. Правда, будучи доведенной до своего логического завершения, концепция Индо-Тихоокеанского региона означает вовлечение Индии в «сдерживание» Китая под руководством США. Но если Нью-Дели сделает этот шаг и интегрируется в руководимые Вашингтоном военно-политические альянсы, то это будет означать, что Индия окажется по другую сторону геополитического фронта и по отношению к России. Москва, безусловно, будет предостерегать своего партнера от движения в этом направлении. В самой Индии, несмотря на явное увлечение значительной части политической элиты и экспертного сообщества идеей Индо-Тихоокеанского региона, также звучат предостережения об опасностях слишком тесного сближения с США²¹.

Можно предположить, что как правительство Н. Моди, так и другие ответственные политические силы Индии, продолжая развитие отношений в рамках Quad и приближаясь затем к определенной черте риска (ее можно назвать и красной линией), вновь будут акцентировать постулат о стратегической автономии и многовекторности своей внешней политики. Ряд индийских экспертов рекомендуют сохранять участие Индии в различных многосторонних форматах сотрудничества, поскольку такое участие, во-первых, подтверждает рост ее авторитета на мировой арене и, во-вторых, отражает потребность в демонстрации своего повсеместного присутствия в качестве глобального игрока²². Нежелание нанести непоправимый ущерб исторически дружественным отношениям с Россией также может быть одним из

²⁰ Unjhwala Y.T. Quad needs both economic & military plan for Indo-Pacific // Economic Times. 23.02.2018. Available at: <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/quad-needs-both-economic-military-plan-for-indo-pacific/articleshow/63049831.cms> (accessed: 10.06.2019).

²¹ Joshi M. Why India should be wary of the Quad // The Wire. 13.11.2017. Available at: <https://thewire.in/external-affairs/india-us-japan-australia-quadrilateral-alliance> (accessed: 10.06.2019).

²² Unnikrishnan N., Purushothaman U. Indian approaches to multilateral cooperation and institutions in Eurasia // Russia in Global Affairs. 09.01.2019. Available at: <https://eng.globalaffairs.ru/valday/Indian-Approaches-to-Multilateral-Cooperation-and-Institutions-in-Eurasia-19932> (accessed: 14.06.2019).

аргументов в пользу сдержанного подхода к вовлеченности в американский проект Индо-Тихоокеанского региона.

Вместе с тем участие Индии в ШОС, скорее всего, станет преградой для эволюции этой организации в направлении антизападного геополитического альянса, хотя немалая часть российских экспертов полагают возможным такое развитие событий [Балакин, 2018]. Очевидно, что совместное противостояние гегемонистскому курсу США — это в первую очередь ключевое направление стратегического партнерства России и Китая, а также группы поддерживающих их стран, перечень которых не полностью совпадает с нынешним составом ШОС.

Что касается российско-индийского элемента треугольника РИК, то здесь есть свои особенности. В отличие от всестороннего и постоянно совершенствующегося партнерства России и Китая, отношения Москвы с Нью-Дели в основном продолжают базироваться на инерции прежних советско-индийских связей, военно-технического сотрудничества и далекой от системной полноты торгово-экономической кооперации.

Вместе с тем отсутствие серьезного конфликта интересов и давние традиции дружбы являются важными, но недостаточными основаниями для дальнейшего развития российско-индийских отношений. В России еще не до конца осознали, что, в отличие от советской эпохи, Индия больше не будет играть роль младшего партнера, что по своему экономическому весу эта страна вошла в число мировых лидеров и что амбиции ее политической и экономической элиты очень серьезны. Очевидно, потребуются коррекция подходов с российской стороны. Не менее значимой является задача обновления модели торгово-экономического сотрудничества между Москвой и Нью-Дели. В данном случае обе стороны должны приложить значительные усилия к достижению существенного прогресса, включая ликвидацию имеющихся бюрократических барьеров и улучшение условий инвестирования. Недостаточная (особенно по сравнению с Китаем) экспортная ориентированность индийской экономики в известном смысле облегчает задачу формирования зоны свободной торговли между Индией, Россией и другими странами ЕАЭС. Большое значение для перспектив российско-индийской торговли и экономического сотрудничества будет иметь открытие мультимодального транспортного коридора Север—Юг, включающего также Иран и Азербайджан. Данный транспортный коридор является меридиональным и, с точки зрения России, служит важным дополнением, а не противовесом по отношению

к широтным транспортным коридорам, формируемым в рамках инициативы ОПОП.

В целом можно говорить о том, что дружественным российско-индийским отношениям еще предстоит пройти этап модернизации. Для обеих стран эти отношения имеют самостоятельное значение. По всей видимости, Индия и Россия и далее будут развивать сотрудничество таким образом, чтобы укреплять свое положение в качестве мощных и влиятельных игроков в трансформирующейся системе международных отношений. При этом Москва будет прилагать усилия, чтобы и взаимодействие в формате РИК было как можно более содержательным и конструктивным, позволяло находить решение все более масштабных проблем в интересах России, Индии и Китая, а также государств, с которыми эти страны сотрудничают в рамках ШОС и БРИКС. В конечном счете речь должна идти о формировании Большого евразийского партнерства с активным участием Индии. В любом случае Россия глубоко заинтересована в активном участии Нью-Дели в процессе становления Большой Евразии и, напротив, в предотвращении дрейфа Индии в сторону альтернативных геополитических проектов.

Динамика развития ШОС в целом благоприятствует дальнейшему расширению состава полноправных членов этой организации. Несомненно, первым кандидатом на получение этого статуса является Иран, причем к данной перспективе позитивно относятся и в Москве, и в Пекине. Тегеран играет активную и конструктивную роль в решении афганских проблем. Вместе с тем существуют факторы, в силу которых Исламская Республика все же не обретет статус члена ШОС в самом ближайшем будущем. Формально основным препятствием для этого служат возражения со стороны Таджикистана, однако можно предположить, что Россия и Китай при желании найдут убедительные аргументы для изменения его позиции. Скорее большую неопределенность создают кризисная динамика на Ближнем и Среднем Востоке, где Иран играет значительную роль, а также отказ администрации Д. Трампа от иранской ядерной сделки и санкционное давление Вашингтона на Тегеран. В этой связи можно ожидать дальнейшей интенсификации взаимодействия Ирана и стран — членов ШОС, но пока без формального изменения статуса ИРИ как наблюдателя.

Равным образом можно прогнозировать активное развитие контактов между ШОС и Турцией. Ее членство в организации пока представляется маловероятным; в любом случае, характер

взаимодействия Анкары с ШОС будет определяться прогрессом в урегулировании сирийского кризиса. Однако при этом очевидна общая тенденция расширения географического ареала сферы интересов ШОС: если первоначально это была главным образом Центральная Азия, то с присоединением Индии и Пакистана добавились Южная Азия и бассейн Индийского океана. Интенсификация взаимодействия ШОС с Ираном и Турцией будет означать, что в сферу интересов организации попадают также Средний и Ближний Восток, Северная Африка и Восточное Средиземноморье. Но одновременно из этого вытекает, что ШОС так или иначе будет стремиться к обеспечению безопасного формирования новых транспортных коридоров и цепочек добавленной стоимости в масштабе большей части Евразийского континента.

Ситуация в Афганистане как вызов для ШОС

В контексте расширения и обновления геополитической роли ШОС приобретает новое измерение и проблематика безопасности, традиционно являющаяся одним из приоритетных направлений деятельности организации вообще и в регионе Центральной Азии в частности. В первую очередь речь идет о функционировании Региональной антитеррористической структуры ШОС (РАТС), штаб-квартира которой располагается в Ташкенте. В Циндаоской декларации задачи РАТС определены в соответствии с предложениями китайской стороны как борьба с «тремя силами зла»: терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. В документах встречи в Циндао особый акцент был сделан на молодежном измерении этой борьбы, поскольку именно молодежь (особенно в Центрально-Азиатском регионе) является основной целевой группой, распространить влияние на которую стремятся террористические, сепаратистские и экстремистские организации²³. В такой постановке проблемы безопасности следует видеть еще один успех китайского председательства. Согласие всех членов ШОС с необходимостью противостояния «трем силам зла» также особенно важно в связи с тем, что в будущем внутри РАТС возможно усиление противоречий между Индией и Пакистаном по вопросу о том, какие конкретно группы следует считать террористическими и экстремистскими.

²³ Совместное обращение глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества к молодежи. Циндао // Центральный интернет портал Шанхайской организации сотрудничества. 10.06.2018. Доступ: <http://infoshos.ru/ru/?id=149> (дата обращения: 10.07.2019).

В то же время в связи с расширением ШОС новое значение приобретает ситуация в Афганистане. Если прежде он мог рассматриваться скорее в качестве внешнего фактора центрально-азиатской безопасности, то теперь урегулирование ситуации в этой стране оказывается столь же значимым для дальнейшей работы ШОС в целом. За исключением США все внешние участники афганского урегулирования являются полноправными членами ШОС или имеют статус наблюдателя (Иран). Разумеется, различие интересов отдельных стран-членов может и, вероятно, будет проявляться в отношении конкретных политических и военных параметров внутриафганского урегулирования, роли в этом процессе движения «Талибан» (запрещено в России), а также американского присутствия в Афганистане. Опасение, в частности, может вызывать проекция индо-пакистанских противоречий на афганский конфликт.

Вместе с тем очевидно, что в дальнейшем безопасность Центральной Азии и установление мира в Афганистане будут все чаще рассматриваться странами ШОС не как две отдельные, хотя и взаимосвязанные проблемы, но как единый процесс. Эффективное решение задач по борьбе с проникновением в регион международных террористических организаций и сетевых структур, ростом организованной преступности, наркотрафиком, распространением идей исламского экстремизма требует комплексного подхода. Именно такой подход был продемонстрирован в ходе подготовки и проведения Международной конференции высокого уровня по Афганистану «Мирный процесс, сотрудничество в сфере безопасности и региональное взаимодействие» (г. Ташкент, 27 марта 2018 г.), инициатором созыва которой стал президент Узбекистана Ш. Мирзиёев²⁴.

В 2018–2019 гг. Россия при поддержке стран ШОС также внесла значительный вклад в поиски внутриафганского урегулирования. Несмотря на официальный запрет «Талибана» в нашей стране, российская дипломатия исходила из реалистичной оценки развития событий в Афганистане, выстраивая диалог с основными группами, оказывающими влияние на военно-политическую ситуацию в этом государстве. Судя по всему, перспективы продвижения межафганского диалога в Московском формате наряду

²⁴ Ташкентская международная конференция высокого уровня по Афганистану «Мирный процесс, сотрудничество в сфере безопасности и региональное взаимодействие». 05.03.2018 // Министерство иностранных дел Республики Узбекистан. Доступ: <https://mfa.uz/ru/press/statements/2018/03/14123/> (дата обращения: 12.07.2019).

с установкой Д. Трампа на прекращение или радикальное сокращение прямого американского военного участия в конфликтах на Ближнем и Среднем Востоке побудили США активизировать собственные дипломатические усилия. Под давлением Вашингтона правительство Ашрафа Гани на протяжении 2018 г. тормозило переговоры в многостороннем Московском формате, несмотря на постоянное ухудшение ситуации с безопасностью и расширение неконтролируемой этим правительством части территории Афганистана. В результате в начале 2019 г. американские дипломаты вступили в прямые переговоры с «Талибаном», а оставленному в стороне президенту А. Гани²⁵ пришлось напоминать афганцам о печальной участи своего предшественника Наджибуллы, казненного талибами в 1996 г.

Торможение межафганского диалога в Московском формате вовсе не означает, что у России, Китая, Пакистана, Индии, других стран — членов ШОС больше нет возможностей влиять на ситуацию в Афганистане. Скорее можно говорить о временной паузе, когда вопрос о выводе американских войск будет согласовываться напрямую США и талибами. Но даже на этом этапе и «Талибан», и правительство в Кабуле будут заинтересованы в расширении диалога со странами ШОС (включая также Иран, имеющий в этой организации статус наблюдателя). В случае вывода американских войск начнет усиливаться вакуум безопасности, и те власти, которые в тот момент будут фактически контролировать большую часть территории Афганистана, неизбежно активизируют взаимодействие с ведущими странами ШОС и, вероятно, с организацией в целом. Перед ШОС, таким образом, встанет задача широкого содействия (за исключением прямого военного вмешательства) дальнейшей стабилизации в Афганистане и недопущения переброски террористических группировок (прежде всего так или иначе связанных с «ИГ»²⁶) на территорию стран Центральной Азии.

Между тем в российском военно-дипломатическом и экспертном сообществе всерьез опасаются возможной преднаме-

²⁵ U.S., Taliban move closer to deal on American troop exit // The Washington Post. 28.01.2019. Available at: https://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/afghan-president-calls-for-direct-talks-with-taliban-us-tentatively-agrees-on-framework-that-could-lead-to-troop-withdrawal/2019/01/28/23ecbaba-22f9-11e9-81fd-b7b05d5bed90_story.html?utm_term=.d65100dd3cf2 (accessed: 10.06.2019).

²⁶ «Исламское государство» («ИГ») — террористическая организация, запрещенная на территории России.

ренной дестабилизации в Центрально-Азиатском регионе как «сопутствующего» результата американской «стратегии выхода»²⁷. Основная угроза в данном случае может исходить вовсе не от «Талибана», а от ряда других транснациональных экстремистских группировок, для которых Афганистан служит по большей части транзитной территорией. В зоне наибольшей уязвимости находятся Таджикистан, не входящий в ШОС и ОДКБ Туркменистан, а также Киргизия, государственные институты которой до сих пор остаются недостаточно консолидированными. Тем не менее наиболее реалистичный сценарий осложнения обстановки может быть связан вовсе не с переносом «джихада» в Центральную Азию, а с симбиозом экстремизма и наркоторговли, попытками отдельных государств региона вести борьбу против такого рода «комбинированной активности». Сложность ситуации может состоять в том, что активные действия могут начинаться как спецоперации национальных сил по борьбе с наркотрафиком и иными видами криминальной деятельности, но затем перерасти в более масштабный и интенсивный конфликт, урегулировать который будет сложно при опоре на силовой потенциал только одного государства. Очевидно, что при таком развитии событий необходима адекватная и своевременная реакция со стороны ОДКБ как организации региональной безопасности, а также со стороны ШОС и ее антитеррористической структуры. Насущной задачей становится усиление координации между ОДКБ и ШОС по вопросам безопасности и борьбы с «силами трех зол».

В целом следует подчеркнуть, что возможный уход США и НАТО из Афганистана будет означать фактическое признание ими своего поражения, имеющего чрезвычайно важные геостратегические последствия. В этом контексте активная роль ШОС и согласованность позиций входящих в нее стран становятся ключевыми внешними факторами стабилизации самого Афганистана, а вместе с ним — всей Центральной Евразии.

* * *

Функционирование ШОС после вступления в нее Индии и Пакистана дает основания для определенного оптимизма. Рас-

²⁷ «Нужно перестать шарахаться из одной крайности в другую». Спецпредставитель президента РФ по Афганистану об эскалации обстановки в стране // Коммерсант. 16.07.2018. Доступ: https://www.kommersant.ru/doc/3687753?from=doc_vrez (дата обращения: 14.06.2019).

ширение состава участников альянса не привело к тому, что его работа оказалась парализованной внутренними противоречиями стран-членов. Не оправдываются и предсказания некоторых российских аналитиков о том, что ШОС начнет превращаться «во все более помпезную, но все менее осмысленную и полезную организацию»²⁸, интерес к деятельности которой утратит сначала Китай, а затем и другие государства Евразии. Напротив, в успехе первого года работы ШОС в расширенном составе огромная заслуга принадлежит именно Китаю, осуществлявшему председательство в организации. Пекин в этот период предложил участникам ШОС конструктивную повестку совместной работы, точно так же, как он сделал это во время своего председательства в БРИКС в 2017 г. При этом продолжались реализация инициативы ОПОП и ее сопряжение с интеграционными процессами в рамках ЕАЭС. Для мировой политики это означало уверенное продолжение работы по формированию полицентричного мирового порядка, а для мировой экономики — диверсификацию транспортных коридоров и дальнейшую реструктуризацию глобальных цепочек добавленной стоимости в пользу Китая и некоторых других стран незападного мира²⁹. Россия, не будучи лидером этих процессов, внесла, тем не менее, очень крупный и самостоятельный вклад в противостояние гегемонии западных держав. Одновременно политическая координация между Москвой и Пекином вышла на беспрецедентно высокий уровень.

Пожалуй, наибольшее значение в 2018–2019 гг. имели усилия стран ШОС (по отдельности и в рамках организации) по достижению внутриафганского урегулирования и связанного с ним вывода контингентов США и НАТО из Афганистана. Эти процессы, ускорившиеся в начале 2019 г., останутся в фокусе внимания ШОС, равно как и недопущение прорыва экстремистских и террористических групп из северного Афганистана на территорию стран Центральной Азии.

Расширение организации за счет Индии и Пакистана, несомненно, укрепило репутацию ШОС как политического тяжеловеса в евразийской и мировой политике [Rosotti, 2018], но

²⁸ Габуев А. Больше, да хуже. Как Россия превратила ШОС в клуб без интересов // Московский центр Карнеги. 17.06.2017. Доступ: <https://carnegie.ru/commentary/71212> (дата обращения: 14.06.2019).

²⁹ Дисэн Г. Геоэкономика Китая и «новая холодная война» // Россия в глобальной политике. 26.12.2018. Доступ: <https://globalaffairs.ru/valday/Geoekonomika-Kitaya-i-novaya-kholodnaya-voina-19890> (дата обращения: 14.06.2019).

ожидаемо не привело к резкому повышению эффективности ее деятельности. Риск чрезмерного усиления позиций Китая в ШОС нивелирован, но это, помимо прочего, означает, что экономическая составляющая в работе организации останется в обозримом будущем на периферийных позициях. Однако даже при таких условиях Шанхайская организация сотрудничества будет играть важную роль в структурировании Большой Евразии и укреплении полицентричного мирового порядка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арис С. Шанхайская организация сотрудничества в материалах и оценках западных исследователей // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2008. № 1. С. 91–98.
2. Балакин В.И. Интеграционные тенденции на пространстве ШОС и евразийская безопасность // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXIII: ежегодное издание. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 64–76. DOI: 10.24411/2618-6888-2018-10006.
3. Бордачёв Т.В. Новое евразийство // Россия в глобальной политике. 2015. № 5. С. 194–205.
4. Ефременко Д.В. Рождение Большой Евразии // Россия в глобальной политике. 2016. № 6. С. 28–45.
5. Колдунова Е.В. Роль Шанхайской организации сотрудничества в регионе Центральной Азии: сравнительный анализ исследовательских дискурсов // Сравнительная политика. 2013. Т. 12. № 2. С. 60–69.
6. Alimov R. The Shanghai Cooperation Organization: Its role and place in the development of Eurasia // Journal of Eurasian Studies. 2018. Vol. 9. Iss. 2. P. 114–124. DOI: 10.1016/j.euras.2018.08.001.
7. Allison R. Regionalism, regional structures and security management in Central Asia // International Affairs. 2004. Vol. 80. No. 3. P. 463–483. DOI: 10.1111/j.1468-2346.2004.00393.x.
8. Antonenko O. The EU should not ignore the Shanghai Cooperation Organization. Policy brief. London: Centre for European reform, 2007.
9. Aris S. Eurasian regionalism. The Shanghai Cooperation Organization. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011. DOI: 10.1057/9780230307643.
10. Bader J.A. A framework for U.S. policy toward China. Asia Working Group Paper 3. Brookings Institution. Washington, D.C., 2016. Available at: <https://www.brookings.edu/research/a-framework-for-u-s-policy-toward-china/> (accessed: 14.06.2019).
11. Bailes A., Dunay P. The Shanghai Cooperation Organization as a regional security institution // The Shanghai Cooperation Organization. SIPRI Policy Paper No. 13 / Ed. by A. Bailes, P. Dunay, P. Guang, M. Troitsky. Stockholm International Peace Research Institute. 2007. P. 1–29. Available at: <https://www.sipri.org/publications/2007/sipri-policy-papers/shanghai-cooperation-organization> (accessed: 14.06.2019).
12. Contessi N. China, Russia and the leadership of the SCO: A tacit deal scenario // China and Eurasia Forum Quarterly. 2010. Vol. 8. No. 4. P. 101–123.

13. Diesen G. China's geoeconomics and 'the new Cold War'. Valdai Discussion Club papers No. 96. Moscow, 2018. Available at: <http://valdaiclub.com/a/valdai-papers/china-s-geoeconomics-and-the-new-cold-war/> (accessed: 14.06.2019).
14. Garlick J. Deconstructing the China–Pakistan economic corridor: Pipe dreams versus geopolitical realities // *Journal of Contemporary China*. 2018. Vol. 27. Iss. 110. P. 68–84. DOI: 10.1080/10670564.2018.1433483.
15. Guang P., Jian H. The first new regional cooperation organization at the 21st century — a comprehensive study on SCO. Beijing: CCCPC School Publishing House, 2006.
16. Huasheng Zh. China's view and expectations from the Shanghai Cooperation Organization // *Asian Survey*. 2013. Vol. 53. No. 3. P. 436–460. DOI: 10.1525/as.2013.53.3.436.
17. Kuznetsova A. Greater Eurasia: Perceptions from Russia, the European Union, and China // *Core Europe and Greater Eurasia: A roadmap for the future* / Ed. by P. Schulze. Frankfurt am Main; New York: Campus Verlag, 2017. P. 177–191.
18. Lanteigne M. Russia, China and the Shanghai Cooperation Organization: Diverging security interests and the 'Crimea effect' // *Russia's turn to the East. Domestic policymaking and regional cooperation* / Ed. by H. Blakisrud, E. Wilson Rowe. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2018. P. 119–138.
19. Luzyanin S., Huasheng Zh. et al. Russian–Chinese dialogue: The 2018 model. Russian International Affairs Council. Report No. 39. Moscow, 2018. Available at: <https://russiancouncil.ru/en/activity/publications/russian-chinese-dialogue-the-2018-model/> (accessed: 14.06.2019).
20. Malle S. Russia and China in the 21st century. Moving towards cooperative behavior // *Journal of Eurasian Studies*. 2017. Vol. 8. Iss. 2. P. 136–150. DOI: 10.1016/j.euras.2017.02.003.
21. McClellan S.A. The Shanghai Cooperation Organization: Should the U.S. be concerned? United States Army War College. Philadelphia, 2013.
22. Mirza M., Lodhi A. The economic benefit of modern Silk Road: The China–Pakistan economic corridor (CPEC). The Association of Chartered Certified Accountants and Pakistan-China Institute. London, 2017. Available at: <https://www.accaglobal.com/ca/en/professional-insights/global-economics/the-economic-benefits-of-the-modern-silk-road.html> (accessed: 14.06.2019).
23. Rab A., Zhilong H. China and Shanghai Cooperation Organization (SCO): Belt and Road Initiative (BRI) perspectives // *International Journal of Humanities and Social Sciences*. 2019. Vol. 9. No. 2. P. 166–171. DOI: 10.30845/ijhss.v9n2p21.
24. Rosotti T. The Shanghai Cooperation Organization in the context of the Chinese Grand Strategy // *Journal of Global Analysis*. 2018. Vol. 8. No. 2. P. 113–126.
25. Song W. Interests, power and China's difficult game in the Shanghai Cooperation Organization (SCO) // *Journal of Contemporary China*. 2014. Vol. 23. Iss. 23. P. 85–101. DOI: 10.1080/10670564.2013.809981.
26. Sutter R.G. Chinese foreign relations: Power and policy since the Cold war. London: Rowman & Littlefield, 2010.
27. Wishnick E. Russia, China and the United States in Central Asia: Prospects for great power competition and cooperation in the shadow of the Georgian crisis. Carlisle: Strategic Studies Institute, 2009.

D.V. Efremenko

**THE SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION
AFTER ENLARGEMENT:
NEW CHALLENGES AND PROSPECTS**

*The Institute of Scientific Information for Social Sciences,
The Russian Academy of Sciences
Kryzhanovskiy st. 15/2, Moscow, 117218*

The paper examines new challenges that confront the Shanghai Cooperation Organization (SCO) after India and Pakistan have joined it as full-fledged members. This enlargement of the SCO implies a considerable increase in its political and economic weight, as well as additional interstate contradictions, which have previously had a peripheral significance for the SCO.

In that regard special attention is drawn to the new political dynamics within the SCO. The author argues that cooperation within the Russia-India-China triangle (RIC) will play a decisive role for the SCO development. In this context, two scenarios are outlined. The first one envisages that the Russo-Chinese and Russo-Indian relations will have a positive dynamics while the Chinese-Indian relations will remain troubled. It is stressed that India's participation in the SCO is likely to become another factor which will prevent the evolution of the Organization into anti-Western geopolitical alliance. Under favorable conditions, all three powers will be able to formulate a common position with regard to the most crucial international issues or to respond promptly to negative tendencies in the economic and security spheres. The second scenario involves a gradual deepening and extension of cooperation in the RIC format based on a common vision of geopolitical transformations within the Greater Eurasia. In this case, it can be assumed that over time the SCO will become the basis for the formation of the Greater Eurasian Partnership.

Another important topic covered in the paper is a security problem which is a traditional priority of the SCO policy in general and in the Central Asia region in particular. This issue has acquired new dimensions due to the Organization's enlargement and the growth of its geopolitical role. In 2018–2019 the SCO powers, together and separately, have made a decisive contribution to the settlement of inter-Afghanistan conflict when the US and NATO troops had been withdrawn from Afghanistan. Moreover, it was due to the SCO efforts that the breakthrough of extremist and terrorist groups from Afghanistan to the Central Asia countries was prevented. The author concludes that in the coming years the SCO will play the key role in structuring the Greater Eurasia and strengthening the multipolar world order.

Keywords: Shanghai Cooperation Organization, Central Asian Security, Afghan Settlement, Russia-India-China Triangle, geopolitical transformations in Eurasia.

About the author: *Dmitry V. Efremenko* — Doctor of Sciences (Political Science), Deputy Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences, the Russian Academy of Sciences (e-mail: efdv2015@mail.ru).

REFERENCES

1. Aris S. 2008. Shangkhaiskaya organizatsiya sotrudnichestva v materialakh i otsenkakh zapadnykh issledovatelei [Shanghai Cooperation Organization in the English language world]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov, seriya Politologiya*, no. 1. pp. 91–98. (In Russ.)
2. Balakin V.I. 2018. Integratsionnye tendentsii na prostranstve ShOS i evraziiskaya bezopasnost [Integrative tendencies in the SCO space and Eurasian security]. *Kitai v mirovoi i regionalnoi politike. Istoriya i sovremennost*. Iss. XXIII. Moscow, IDV RAN Publ., pp. 64–76. (In Russ.) DOI: 10.24411/2618-6888-2018-10006.
3. Bordachyov T. 2015. Novoe evraziistvo [The new Eurasianism]. *Russia in Global Affairs*, no. 5, pp. 194–205. (In Russ.)
4. Efremenko D. 2016. Rozhdenie Bolshoi Evrazii [The birth of Greater Eurasia]. *Russia in Global Affairs*, no. 6, pp. 28–45. (In Russ.)
5. Koldunova E.V. 2013. Rol' Shangkhaiskoi organizatsii sotrudnichestva v regione Tsentral'noi Azii: Sravnitelnyi analiz issledovatel'skikh diskursov [The role of Shanghai Cooperation Organization in Central Asia region: A comparative analysis of research discourses]. *Comparative Politics Russia*, vol. 12, no. 2, pp. 60–69. (In Russ.)
6. Alimov R. 2018. The Shanghai Cooperation Organization: Its role and place in the development of Eurasia. *Journal of Eurasian Studies*, vol. 9, iss. 2, pp. 114–124. DOI: 10.1016/j.euras.2018.08.001.
7. Allison R. 2004. Regionalism, regional structures and security management in Central Asia. *International Affairs*, vol. 80, no. 3, pp. 463–483. DOI: 10.1111/j.1468-2346.2004.00393.x.
8. Antonenko O. 2007. *The EU should not ignore the Shanghai Cooperation Organization*. Policy brief. London, Centre for European reform.
9. Aris S. 2011. *Eurasian regionalism. The Shanghai Cooperation Organization*. Basingstoke, Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/9780230307643.
10. Bader J.A. 2016. *A framework for U.S. policy toward China*. Brookings Institution Working Group Paper 3. Washington, D.C. Available at: <https://www.brookings.edu/research/a-framework-for-u-s-policy-toward-china/> (accessed: 14.06.2019).
11. Bailes A., Dunay P. 2007. The Shanghai Cooperation Organization as a regional security institution. In Bailes A., Dunay P., Guang P., Troitsky M. (eds.). *The Shanghai Cooperation Organization*. SIPRI Policy Paper. Stockholm International Peace Research Institute, pp. 1–29. Available at: <https://www.sipri.org/publications/2007/sipri-policy-papers/shanghai-cooperation-organization> (accessed: 14.06.2019).
12. Contessi N. 2010. China, Russia and the leadership of the SCO: A tacit deal scenario. *China and Eurasia Forum Quarterly*, vol. 8, no. 4, pp. 101–123.

13. Diesen G. 2018. *China's geoeconomics and 'the new Cold War'*. Valdai Discussion Club Papers, no. 96. Moscow. Available at: <http://valdaiclub.com/a/valdai-papers/china-s-geoeconomics-and-the-new-cold-war/> (accessed: 14.06.2019).
14. Garlick J. 2018. Deconstructing the China–Pakistan economic corridor: Pipe dreams versus geopolitical realities. *Journal of Contemporary China*, vol. 27, iss. 110, pp. 68–84. DOI: 10.1080/10670564.2018.1433483.
15. Guang P., Jian H. 2006. *The first new regional cooperation organization at the 21st century — a comprehensive study on SCO*. Beijing, CCCPC School Publishing House.
16. Huasheng Zh. 2013. China's view and expectations from the Shanghai Cooperation Organization. *Asian Survey*, vol. 53, no. 3, pp. 436–460. DOI: 10.1525/as.2013.53.3.436.
17. Kuznetsova A. 2017. Greater Eurasia: Perceptions from Russia, the European Union, and China. In Schulze P. (ed.). *Core Europe and Greater Eurasia — a road-map for the future*. Frankfurt-am-Main; New York, Campus Verlag, pp. 177–191.
18. Lanteigne M. 2018. Russia, China and the Shanghai Cooperation Organization: Diverging security interests and the 'Crimea effect'. In Blakisrud H., Wilson Rowe E. (eds.). *Russia's turn to the East. Domestic policymaking and regional cooperation*. Basingstoke, Palgrave MacMillan, pp. 119–138.
19. Luzyanin S., Huasheng Zh. et al. 2018. *Russian–Chinese dialogue: The 2018 model*. Russian International Affairs Council. Report no. 39. Moscow. Available at: <https://russiancouncil.ru/en/activity/publications/russian-chinese-dialogue-the-2018-model/> (accessed: 14.06.2019).
20. Malle S. 2017. Russia and China in the 21st century. Moving towards cooperative behavior. *Journal of Eurasian Studies*, vol. 8, iss. 2, pp. 136–150. DOI: 10.1016/j.euras.2017.02.003.
21. McClellan S.A. 2013. *The Shanghai Cooperation Organization: Should the U.S. be concerned?* United States Army War College. Philadelphia.
22. Mirza M., Lodhi A. 2017. *The economic benefit of modern Silk Road: The China–Pakistan economic corridor (CPEC)*. The Association of Chartered Certified Accountants and Pakistan-China Institute. London. Available at: <https://www.ac-caglobal.com/ca/en/professional-insights/global-economics/the-economic-benefits-of-the-modern-silk-road.html> (accessed: 14.06.2019).
23. Rab A., Zhilong H. 2019. China and Shanghai Cooperation Organization (SCO): Belt and Road Initiative (BRI) perspectives. *International Journal of Humanities and Social Sciences*, vol. 9, no. 2, pp. 166–171.
24. Rosotti T. 2018. The Shanghai Cooperation Organization in the context of the Chinese Grand Strategy. *Journal of Global Analysis*, vol. 8, no. 2, pp. 113–126.
25. Song W. 2014. Interests, power and China's difficult game in the Shanghai Cooperation Organization (SCO). *Journal of Contemporary China*, vol. 23, iss. 23, pp. 85–101. DOI: 10.1080/10670564.2013.809981.
26. Sutter R.G. 2010. *Chinese foreign relations: Power and policy since the Cold War*. London, Rowman & Littlefield.
27. Wishnick E. 2009. *Russia, China and the United States in Central Asia: Prospects for great power competition and cooperation in the shadow of the Georgian crisis*. Carlisle, Strategic Studies Institute.